

О.В. Курило

ЦЕРКОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ ЛЮТЕРАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (XIX–XX вв.)

Лютеранское вероучение изменило традиционный взгляд верующих христиан на церковные праздники. Оно провозглашало оправдание одной верой вопреки учению католических священников, утверждающему, что верующие могут заслужить благодать от Бога путем соблюдения определенных церковных предписаний. В «Аугсбургском исповедании» (1530 г.) – исторически первом документе лютеранства, который сформулировал его основы, – критике подвергалась традиционная практика католической церкви в отношении церковных праздников. В соответствии с ним соблюдение церковных праздников, а также постов – обычаев, установленных людьми, – не может служить обретению благодати от Бога так же, как и несоблюдение их не есть тяжкий грех. Однако полностью церковные праздники лютеранами не отменялись. В том, что они существуют, усматривалась определенная польза, поскольку они «служат поддержанию мира и добропорядка в Церкви». Но при этом подчеркивалось, что не следует отягчать совесть верующих утверждением, будто это необходимо во имя спасения. По лютеранскому вероучению, «все положения и традиции, установленные людьми с целью умиловить Бога и заслужить благодать, противоречат Евангелию и учению о вере во Христа»¹.

Учение лютеран о «дешевой церкви», труде как божественном призвании, борьба против праздности предполагали сокращение числа праздничных дней в литургическом году, перенос их на воскресные дни, упрощение обрядов, скромность празднования и оформления церкви к празднику.

В своем сочинении «К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства» Мартин Лютер (1520 г.) выдвинул более двух десятков предложений, направленных на исправление «ужасного состояния дел» в обществе, в числе которых и замечание о церковных праздниках. По мнению великого реформатора, необходимо было отменить все праздники за исключением воскресенья, поскольку праздникам обычно «сопутствуют неумеренное пьянство, азартные игры, безделье и всяческие прегрешения», из-за чего получается, что «святой день – не святой, а рабочий день – святой». Кроме того, в праздничные дни «не только не усиливается поклонение Богу и Его святым, но происходит великое бесчестие», человек испытывает в эти дни и материальный ущерб, поскольку «прогуливает свою работу, потребляет пищи и напитков больше, чем в другое время, ослабляет тело и снижает способность к работе»².

Вместо пышного убранства церкви, длительного ритуала праздничного богослужения, торжественных облачений священнослужителей, принятых у католиков и православных, для лютеран, как и для последователей других протестантских вероучений, характерно стремление к аскетизму и в праздничной традиции. Изменения в оформлении церкви к праздникам ограничиваются главным образом сменой облицовки церковных кафедр, за которыми пасторы читают проповеди, и алтаря, где проходит богослужение.

Как правило, в зависимости от праздников литургического года на церковной кафедре меняются особые платы, которые имеют соответствующий цвет и символ и называются параментами³.

Цветовой канон, принятый в лютеранских церквях, содержится в лютеранской агенде (лат. Agenda) – книге с богослужебными порядками молитв и текстами. Как и у католиков, лиловый (фиолетовый) цвет означает для верующих лютеран время приготовления и покаяния, характерное для периода Адвента, – период, равный 4 неделям (перед Рождеством), Страстного времени (перед Пасхой), Дня молитвы и покаяния (третья среда ноября).

На Рождество, Пасху, Богоявление, Троицу среди лютеран принят белый цвет,

выражающий радость верующих за Иисуса Христа. Красный цвет, который символизирует Св. Дух и Церковь, характерен для таких лютеранских праздников, как Пятидесятница, день Реформации (31 октября) и день освящения церкви. Наконец, зеленый цвет (цвет роста и созревания) принят у лютеран на Богоявление, время после праздника св. Троицы, на праздник благодарения верующих за урожай⁴.

В настоящее время, когда большинство лютеранских общин в России не имеет церковных зданий и теологически образованных пасторов, принятые прежде цветовые каноны в оформлении помещений для богослужений, как правило, не соблюдаются. Отчасти об оформлении церкви к праздникам мы можем судить по воспоминаниям пожилых прихожан, которые посещали лютеранские церкви до начала второй мировой войны. Они свидетельствуют, что на практике общепринятое для всех лютеранских церквей оформление к праздникам не всегда соблюдалось и различалось в деталях. Многие прихожане особо вспоминают преобразование церкви на Пасху после страстного периода.

По рассказу Эльзы Александровны Левенталь, в конце страстной недели вся церковь св. Петра и Павла в Москве занавешивалась черными полотнищами, люди, посещавшие в это время церковь, приходили в траурном одеянии, обычно в черном. Эрика Фридриховна Шефер, которая родилась и провела детство в Маркштадте (Маркс), вспоминает, что в пасхальный день весь алтарь родной церкви был украшен красным шелком. В лютеранской церкви в Тифлисе (Тбилиси), по воспоминаниям Вольфганга Францевича Коха, два раза в год менялись полотна в большом триптихе за алтарем. В страстное время на центральном полотне был изображен Иисус Христос в терновом венце, распятый на кресте: «Картина была очень мрачной и производила очень тяжелое впечатление. На Пасху картина менялась, и Христос был изображен в белых одеждах».

В зависимости от праздника и времени года алтарь в лютеранской церкви украшается «адвентским венком» (Adventskranz) на Адвент, сью со свечами – на Рождество, ветками вербы – в Вербное воскресенье, цветами – на Пасху, ветвями березы – на Троицу, плодами земли – в день празднования Дня урожая (обычно в первое воскресенье октября).

Отношение лютеран к святым отразилось на сокращении числа посвященных им праздников и характере их проведения. Лютеране считают, что святых надлежит вспоминать, чтобы укреплять свою веру, святые должны служить примером для верующих, но по Священному Писанию святых не следует призывать или искать у них помощи⁵. Несмотря на отсутствие культа святых, лютеранские церкви в России издавна освящались во имя святых так же, как и сами общины назывались их именами. Старейшая лютеранская кирха в России, построенная в 1575–1576 гг. в Москве, носила имя св. Михаила⁶. В 1905 г. статус кафедрального собора Евангелическо-лютеранской церкви (далее – ЕЛЦ) в России получила церковь св. Петра и Павла в Москве⁷. В Санкт-Петербурге, где число лютеранских церквей было намного больше, чем в Москве, существовали церкви св. Анны, св. Петра, св. Екатерины, св. Марии, св. Михаила и др., названные в честь святых⁸. Деятельность некоторых из вышеперечисленных церквей продолжается в настоящее время.

В лютеранской традиции, несмотря на отмену ряда католических праздников, сохранился обычай отмечать не только дни освящения церкви во имя святого, но и такие церковные праздники, как День поминовения всех святых, св. Иоанна. Однако в лютеранских церковных календарях отсутствует, например, день св. Николая (6.12) – праздник, который особо отмечают католики. Примечательно, что еще в 1535 г., по инициативе Мартина Лютера, раздача подарков в день св. Николая была перенесена на Рождество⁹ и подарки в этот день приносил не св. Николай, а Христос (Кристkind), что более соответствовало христоцентричному лютеранскому вероучению.

У лютеран отсутствует и культ Богородицы, которая особым образом почитается католиками. Тем не менее в потребительской и справочной книжке по г. Москве на 1909 г. среди праздников, названных евангелическо-лютеранскими, большое число

посвящено Божьей матери. К ним относятся такие, как Благовещение Пресвятой Марии, Введение во храм Пресвятой Марии, Вознесение Пресвятой Марии, Рождество Пресвятой Марии, Покров Пресвятой Марии и др.¹⁰ Введение в лютеранский церковный календарь богородичных праздников следует, по-видимому, связывать с особым почитанием Богородицы на Руси. Поскольку российский император, подписавший в 1832 г. устав Евангелическо-лютеранской церкви в России, являлся ее официальным главой, а лютеране проживали в стране, в которой православие считалось государственной религией, следовало ожидать и значительного влияния на их обычаи православной церковной традиции.

Отсутствие celibата священников, института монашества, монастырей¹¹ лишало общину верующих как лиц, которые занимались бы исключительно культовой деятельностью, так и материальной и социальной базы для поддержания пышного ритуала, который по лютеранскому учению считался излишним.

Праздники лютеран в России определялись Уставом ЕЛЦ, утвержденным императором Николаем I 28 декабря 1832 г. В соответствии с Уставом в евангелическо-лютеранских церквях в России предусматривалось отмечать, кроме воскресений, следующие дни: Рождество Христово (25–26.12), Новый год (1.01), Богоявление Господне (6.01), Благовещение (25.03), Великий Четверг, Великую пятницу, первый и второй дни Светлой недели, Вознесение Господне, два дня праздника сошествия Св. Духа, Рождество Иоанна Предтечи (24.06), день всеобщего покаяния и моления (Invocavit) (среда после Воскресения), праздник жатвы (первое воскресенье после дня Архангела Михаила), день Реформации – 19 (31) октября или первое за ним воскресенье, день поминовения усопших в течение года (Totdenfeier) (последнее воскресенье церковного года) и день освящения храма (Kirchweihfest)¹². По сравнению с Православной и Римско-католической церквями у лютеран значительно меньше церковных праздников. Наряду с общими для лютеран, православных и католиков праздниками Рождества, Богоявления, Пасхи, Вознесения, Пятидесятницы, дня Иоанна Предтечи лютеранами отмечается особый день – день Реформации, который приходится на 31 октября¹³.

Первые попытки отмечать годовщины Реформации приходятся на то же столетие, в котором началась сама Реформация, однако дата 31 октября установилась не сразу. Прежде память Реформации отмечалась в день рождения или смерти Мартина Лютера или в день вручения лютеранам «Аугсбургского исповедания»¹⁴. Впервые предписал отмечать день памяти Реформации 31 октября саксонский курфюрст Георг II в 1667 г.: именно в этот день Мартин Лютер прибил на дверях дворцовой церкви в Виттенберге свои 95 тезисов, для того чтобы добиться диспута о вере с виттенбергскими учеными. Это событие рассматривается ныне рядом исследователей как отправной пункт реформационного движения в Германии. Дата празднования, объявленная Георгом II, распространилась на большинство церквей страны: стало принятым отмечать память Реформации либо непосредственно 31 октября, либо в воскресный день до или после этой даты.

В Уставе ЕЛЦ в России день Реформации полагалось отмечать 19 (31) октября или в первое за ним воскресенье. В церкви в этот день принято читать послание апостола Павла к Римлянам, в котором содержатся слова, отражающие основное содержание лютеранского вероучения: «Человек оправдывается верою, независимо от дел закона». Песнопения, которые до сих пор звучат в лютеранских общинах в день Реформации, отражают общий смысл и значение праздника: «Явлен Христос нам, возрадуйтесь люди», «Нам Бог твердыня» и др. Песнопение «Нам Бог твердыня и оплот», сочиненное Мартином Лютером в 1529 г., называют Марсельезой Реформации¹⁵. В годы Реформации оно помогало верующим бороться за преобразование церкви. Очевидцы сообщают, что это песнопение поддерживало силы депортируемых лютеран немецкой и финской национальностей и в нашей стране, когда их из родных мест отправляли на восток¹⁶.

Пожилые прихожане, которые имели возможность отмечать день Реформации до

второй мировой войны, не помнят этого праздника. Для детского восприятия этот праздник был малоприметным. Сейчас традиция праздновать этот день возрождается в лютеранских общинах.

Другим праздником, не характерным для православных и католиков, но сближающим лютеран с баптистами, является праздник урожая (праздник жатвы), который отмечается обычно в первое воскресенье после дня архангела Михаила. Срок праздника установился в евангелической церкви сравнительно поздно, первоначально в Пруссии в 1773 г.¹⁷ Обоснование необходимости праздновать день урожая верующие находят в Библии (Исх., 23:16, 34:22). По литургии праздник не отличается от других воскресных богослужений. С давних пор существует лишь обычай украшать в этот день алтарь плодами полей и садов. В этот день в церкви поются особые песнопения. В течение последних трех лет праздник благодарения за урожай отмечается в московской лютеранской общине св. Петра и Павла.

Кроме религиозных праздников, верующим лютеранского исповедания в России предписывалось отмечать и дни рождений, и «тезоименитства» царственных особ, к которым принадлежали Государь император, Государыня императрица, наследник престола и другие члены семьи императора¹⁸. В годы первой мировой войны многие лютеранские пасторы подвергались обвинениям со стороны властей, в том числе за несовершенство молебнов в царские дни и опускание в молитвах за царский дом имени императора. Пасторы же отвечали, что богослужения в царские дни перестали проходить из-за отсутствия прихожан. Сказывалась и неопределенность распоряжений Генеральной консистории, которые были сделаны ею по поводу изменений молитвы за царствующий дом во время войны¹⁹. Кроме того, пацифистская позиция некоторых пасторов не позволяла им молиться за победу кого-либо в этой войне. Вероятно, были и другие мотивы.

Среди других праздников лютеранам предписывалось праздновать и такой гражданский праздник, как Новый год. У немецких колонистов на Волге этот праздник особым почетом не пользовался и праздновался один день²⁰. В советское время перестали отмечать Рождество, Новый год стал общепринятым праздником. Его отмечают сейчас в нашей стране (наряду с возрожденным праздником Рождества) все лютеране, иногда даже вместо Рождества.

Лютеранские праздники в России отличал синкретизм лютеранского учения с дохристианскими верованиями и христианскими обрядами других конфессий.

Среди лютеран одним из самых значительных праздников года считалось Рождество. Обычай особо выделять праздник Рождества пришел в Россию из Германии, где бытовала пословица: «Нет праздника больше Рождества, как нет гнезда выше орлиного» («Über Weihnacht kein Fest, über des Adlers kein West»). Слово «Weihnachten» – «Рождество» произошло, как считают, из среднего верхненемецкого «ze den wihen nahten» – «освященная ночь». Впервые его литературное употребление известно с 1170 г. в изречении поэта, баварского музыканта – Spervogel. Первоначально это был перевод с латинского «nox sancta» (Weihnacht) – «святая ночь». Позже вошла в употребление форма множественного числа (Weihnachten), что, вероятно, указывало на длительность и значимость этого праздничного периода²¹.

Один из наиболее ярких реликтов дохристианского культа деревьев можно усматривать в рождественской елке²², обычай, который пришел в Россию из Германии. Начиная с 1642 г. рождественское дерево ставили в Страсбурге и других городах Эльзаса, затем этот обычай перешел из Германии в Вену и распространился в Австрии. В 1819–1830-х годах елки появились в Венгрии, в 1820 г. – в Праге, с начала XIX в. они уже были известны в странах Скандинавии. В России появление елки, первоначально в городе, фиксировалось с 1840 г.²³ У немецких колонистов на Волге елки появились только в конце 60-х годов XIX в. Так как в степи хвойного леса не было, елки привозились из Саратова²⁴.

В честь елки на Рождество в немецких семьях обязательно пели песни, которые поют до сих пор. Наиболее известная из них «О Tannenbaum, о Tannenbaum». В одной

из рождественских песен ель называется чудесным деревом, деревом Христа (Wunderbaum, Christbaum)²⁵.

Символика вечнозеленого дерева в христианской традиции переосмыслилась в связи с содержанием рождественского праздника. Так же, как и обряд зажигания свечей, означавший первоначально магическое действие, заставляющее загореться небесный свет, новое солнце²⁶, у христиан он знаменует присутствие в церкви Света Господня.

В праздничной лютеранской традиции особое значение уделяется свечам. Горящая свеча символизирует для верующего, что Иисус Христос есть свет. В период Адвента принято в церкви и дома каждое воскресенье, приближающее верующих к празднику Рождества, отмечать зажиганием свечи. Обычай приготавливать к первому декабря венки с четырьмя красными свечками, украшенными лентами, шишками, ангелами и др.²⁷, пришел в Россию из Германии. Четыре свечи – четыре недели до сочельника: каждое воскресенье зажигают по свече, и она горит всю неделю. Обычай зажигать свечи на Рождество сохранился до наших дней. В настоящее время адвентские венки перед Рождеством можно встретить в отдельных немецких семьях, особенно тех, которые поддерживают тесные связи с родственниками в Германии или имеют там знакомых, а также в городских лютеранских общинах. Среди свечей различаются свечи рождественские и пасхальные. Праздник Рождества верующие встречают со свечами в руках. Пасхальная свеча – символ близости воскресшего Господа. В конце литургического года в день поминовения всех умерших в память о родных и близких на их могилах зажигаются свечи.

Пережитки дохристианских представлений лютеранского населения России отразились в рождественских мифологических персонажах, которые якобы приходили в семьи верующих на Рождество.

Один из них – Пельцникель (Pelznikel) появлялся, по свидетельству прихожан лютеранской общины – поволжских немцев, накануне Рождества, в Рождественский сочельник. Непременными атрибутами Пельцникеля были розги, цепи, мешок²⁸. Наряд его состоял из вывернутого мехом наружу тулупа. Анализ названия мифологического персонажа наводит на мысль, что первая часть слова связана с его одеянием, поскольку «Pelz» в переводе с немецкого означает «мех», а вторая происходит от сокращенного имени св. Николая. Известно, что простейшей формой ряжения, которая встречалась по всей Европе, было надевание людьми вывернутой наизнанку овчинной или иной шубы, тулупа²⁹. Тулуп шерстью наружу считался символом плодородия. Возможно, Пельцникель, который наряду с наказанием непослушных одаривал прилежных детей, выступал в роли предвестника изобилия в наступающем году.

В Германии Пельцникель – мифологический персонаж местного значения, который встречался главным образом в области Среднего Рейна³⁰. Его образ восходит к одному из злых спутников св. Николая, которые назывались в разных местах по-разному: Пельцникель, кнехт Рупрехт, Полтерклас, Ругбелц, Луцер, Ганс Трапп и др.³¹ Следует отметить, что указанные мифологические персонажи существовали и у католиков, встречаются они и до сих пор (например, в Австрии).

Пережитки дохристианских верований можно обнаружить и в таком рождественском персонаже, как Вайнахтсманн (Weihnachtsmann) – дед Мороз, Рождественский дед или, как его еще называли, Фростманн (Frostmann). Он выполнял на Рождество функции, аналогичные Пельцникелю. В немецких семьях звучала на Рождество особая песня, посвященная Вайнахтсманну:

O Weihnachtsmann,	Рождественский дед,
O Weihnachtsmann,	Рождественский дед,
Kom doch zu uns herein!	Иди скорее сюда!
Wir bitten dich so lange schon,	Мы просим тебя так долго,
Wir Kinder gross und klein.	Мы дети большие и малые.
Das Tischlein ist gedecked,	Столик уже накрыт,
Das Stubchen ist gekehrt,	Комнатка убрана,
Wir warten an der Ture still,	Мы тихо ждем у двери.
Bis du uns hast beschert.	Что ты нам подаришь.

Источник почитания Кристкинда – другого мифологического образа – коренится в христианской традиции. Считают, что почитание Кристкинда ведет свое начало с XIV в., после явления младенца Христа в одном из женских монастырей. Как рождественский образ-дароноситель, он известен со времени Реформации, первоначально только в протестантских землях Германии³².

Несмотря на происхождение названия образа от слова «Крист» (Christus) – Христос, «Кинд» – нем. ребенок, т.е. «младенец (ребенок, дитя) Христос», поражает тот факт, что в представлении поволжских немцев Кристкинд никогда не фигурировал в образе ребенка. В народе Кристкинда знали как существо небесное, неземное, как ангела, возвещающего о рождении Христа. Трудно объяснить, почему под именем младенца Христа на Рождество к детям в немецких семьях Поволжья приходила одетая во все белое добрая фея, хотя самого названия «фея» немцы не употребляли. Она могла приходиться вместе с Вайнахтсманном, или с Пельцникелем, или одна, всегда выступая в роли утешительницы³³.

В дни праздника Рождества в лютеранских общинах устраиваются инсценировки по евангельскому сюжету о пребывании в вертепе (месте укрытия домашних животных) святого семейства – Марии и Иосифа с родившимся Иисусом. Традиция разыгрывать евангельские сюжеты существовала еще до Реформации в XI–XII вв. Первоначально рождественские (существовали также страстные и пасхальные) драматизации занимали определенную часть в богослужении, затем они стали самостоятельными и окончательно вышли за рамки богослужения. В сценах изображались события рождения Иисуса Христа, поклонения пастухов и мудрецов, убийство младенцев в Вифлееме и бегство святого семейства в Египет³⁴. В настоящее время традиция рождественских инсценировок возрождается в лютеранских общинах, причем за основу не всегда берутся традиционные сюжеты. Так, в рождественский сочельник 1995 г. в церкви св. Анны в Санкт-Петербурге была разыграна рождественская инсценировка «Звезда Мелвина» – история маленького ангела, который после долгих поисков нашел свою звезду и так о ней заботился, что сам Господь Бог избрал его и зажег его звезду в святую ночь Рождества перед Вифлеемом³⁵. Рождественские инсценировки отличаются не только по содержанию, но и по времени проведения. В некоторых общинах они проходят в день Рождества.

Пасха (Ostern) – второй значительный праздник года – также обязательно отмечалась как в церквях, так и в семьях. Пасха была особенно долгожданным временем после периода поста (Passionzeit), во время которого даже песнопения были минорными. Перед Пасхой так же, как перед Рождеством (два раза в год), верующие причащались. В Вербное воскресенье в лютеранских общинах обычно совершалась конфирмация с первым причастием. В немецкой лютеранской общине св. Петра и Павла в Москве до 1936 г. причаститься можно было в один из дней недели, следующей после Вербного воскресенья: в среду, четверг, пятницу или субботу накануне Пасхи. На Пасху совершались и крещения.

В Вербное воскресенье у финнов-лютеран (ингерманландцев) известен был такой народный обычай. Дети дошкольного и школьного возраста, неся с собой крашенные прутики вербы, ходили по домам и собирали угощения. При этом по-фински приговаривали: «Вербую тебя, эти прутики – тебе на здоровье, а нам – на угощение».

Синкретизм христианских представлений с дохристианскими наблюдался и в праздновании Пасхи, в том числе в ритуалах, связанных с яйцом, во встрече восхода солнца, в мифологическом персонаже пасхального праздника у немцев – пасхальном зайце.

К празднику Пасхи в семьях традиционно красили яйца. В отличие от православной и католической традиции пищу в церкви не освящали. Крашенные яйца прихожане дарили друг другу на Пасху, с яйцами играли, каждый ребенок пытался выиграть как можно больше яиц.

Эрика Фридриховна Шефер, которая провела свое детство в Марксштадте, рассказывала, как на Пасху дети делали горки из песка и катали с них яйца. Тот, чье яйцо катилось дальше, выигрывал и получал приз. Среди немецких колонистов на Волге

были распространены и другие игры с пасхальными яйцами. Одна из них заключалась в том, что два сваренных вкрутую яйца ударяли друг о друга. Яйцо, которое при этом разбивалось, забирал победитель. Другая игра начиналась с того, что на земле проводилась линия, на которой каждый играющий ставил своё яйцо. На определенном расстоянии от линии располагались играющие, которые по очереди старались попасть в яйцо. Кто попадал, тот забирал яйцо себе³⁶. Соревновались и в беге, во время которого нужно было собирать в корзину разложенные на земле пасхальные яйца³⁷.

У немцев-лютеран, живших не только на Волге, в рассказах о Пасхе не обходится без упоминания о пасхальном зайце, который, приходя ночью в дом, когда дети спали, приносил им подарки, обычно (помимо пасхальных яиц) орехи, конфеты и другие сладости.

Яйцо и заяц – символы, имеющие прежде иное значение, позже были переосмыслены в христианском духе. Известно, что яйцо, имевшее во многих культурах значение знака жизни и плодородия, в христианстве стало символом новой жизни, подаренной людям через смерть и воскресение Иисуса Христа. Пасхального зайца некоторые немецкие исследователи считают символом воскресения Иисуса Христа ввиду приписываемого зайцу свойства не спать, поскольку (из-за отсутствия век) он, пребывая во сне, просто закатывает зрачки вверх³⁸.

В прошлом в Германии существовал обычай брать испеченный в форме зайца хлеб в поездки в пасхальные дни или в дни паломничества. Чтобы связать оба символа, в середину пасхального зайца помещали яйцо. Так возникла легенда о яйценесущем пасхальном зайце, которую немцы, эмигрировавшие из Германии, принесли с собой в Россию.

Накануне Пасхи дети российских немцев мастерили гнездышки для пасхального зайца, вырывали во дворе небольшие ямки, которые аккуратно выстилали сеном. Другие ходили в лес, чтобы набрать зеленого мха и приготовить гнездо для пасхального зайца³⁹. Один из жителей поволжского села И. Зейдлиц вспоминал поверье о пасхальном зайце: «Он появлялся иногда уже перед самой Пасхой. Тихонько пробирался по саду, чтобы найти гнездышко, в которое можно было бы положить свои яйца. Мама рассказывала, что видела его рано утром и даже чуть было не насыпала соли на его хвостик. Если бы ей это удалось, то зайца можно было бы поймать и запереть в какое-нибудь укромное местечко, где бы он снес массу яиц. А теперь – ничего не поделаешь»⁴⁰.

Народные и церковные обычаи тесно переплетались в праздновании Пасхи. Утром верующие обязательно посещали церковь, в которой славили воскресение Христа. В этот день в церкви звучали особые песнопения («Auferstanden! Auferstanden ist der Herr!» – «Воскрес! Воскрес Господь» и др.). После богослужения дети особенно спешили домой, чтобы не упустить пасхального зайца. Мать встречала их песней о пасхальном зайце⁴¹:

Der Osterhas! der Osterhas!	Пасхальный заяц, пасхальный заяц!
Er liess nicht auf sich warten.	Он не будет ждать.
Er suchte sich im grunen Gras	Он разыскал себе в зеленой траве
Ein Nest in unserem Garten.	Гнездо в нашем саду.
Er legte in das grune Nest	Он положил в зеленое гнездо
Viel buntbemalte Eier,	Много пестрых яиц,
Dass wir das schone Osterfest	Чтобы мы прекрасный день Пасхи
Gar frohlich mogen feiern.	Праздновали радостно, как только можем.

Потом дети искали под каждым кустом в саду подарки, оставленные для них пасхальным зайцем.

Встреча Пасхи, Воскресения Христова, совпадала с приходом весны. Народные

обычай подчеркивали эту связь. В немецких семьях детей обучали быть наблюдательными, ценить природу.

Вольфганг Францевич Кох, родившийся в Тифлисе, вспоминал, как его мать, когда готовилась к Пасхе, высевала на плоских тарелках зерна пшеницы или ячменя, заливая их водой: «Мы, дети, с интересом наблюдали, как зерна набухали, проклеивались росточки и вырастала зеленая травка. Потом в эту травку клали крашенные яйца (Ostereier) и нам говорили, что их принес "пасхальный заяц" (Osterhase)»⁴².

Пасхальный праздник у финнов и немцев-лютеран также был связан со встречей в этот день восхода солнца. В день Пасхи в ингерманландской деревне молодые старались не проспать, чтобы посмотреть утром, как «солнышко пляшет». В народе говорили: «И солнышко радуется, что Христос воскрес»⁴³. Как известно, представление, что в Светлое воскресенье «солнце играет» на небе, было распространено и среди русских крестьян. В немецких колониях на Волге, по воспоминаниям немецко-колониста П.К. Галлера, в 60-х годах XIX в. многие стремились не проспать восхода солнца, потому что в это время можно увидеть Христова барашка⁴⁴.

К дням церковных праздников привязывались обычаи, относящиеся к событиям личной жизни колонистов. На Троицу (на 50-й день после Пасхи) в церкви обязательно проходило праздничное богослужение. Однако молодежь отмечала этот день и своим способом. Так, в ночь под Троицу парни, уже сговорившиеся с избранницей сердца, ставили у ворот ее дома высокий шест с привязанным вверху кустом зелени, который предвещал помолвку⁴⁵. Если парень получал от своей избранницы отказ, то ждал Троицу, чтобы отомстить ей: насыпал перед воротами ее дома кучу мусора или навоза⁴⁶.

В дни некоторых церковных праздников их церковно-каноническое содержание сводилось к минимуму, а преобладала семейно-бытовая обрядность. Например, летние праздники, посвященные апостолам, отмечались по преимуществу не в церкви. «Дома, если собирались в семье гости, – рассказывала ингерманландская финка Айно Матвеевна, – значит, кто-то читал Евангелие в день св. Петра. И все».

Постепенно происходила потеря религиозного характера церковных праздников. Пасха, Рождество и другие церковные праздники осознавались как выходные дни, народные праздники. Стирание религиозного характера праздников было результатом утраты веры. В годы советской власти под влиянием антирелигиозной пропаганды и атеистического образования многие люди становились неверующими.

Живя в России рядом с русским православным населением, лютеране перенимали православные традиции, связанные с праздниками (сроки, дни, ритуальную пищу и др.). Так, среди российских немцев наблюдаются двойное празднование Пасхи и Рождества (по григорианскому и юлианскому календарям), приготовление на Пасху куличей и творожной пасхи, а также, как говорилось выше, несвойственное лютеранской традиции почитание праздничных дней, посвященных Богоматери и святым.

В городах, где процессы ассимиляции шли более интенсивно, влияние русского населения на немцев было сильнее, чем в деревнях. Однако и в деревнях, особенно расположенных близко к русским селам, немецкое население перенимало русские обычаи. Заимствование православных традиций лютеранами происходило под влиянием инонационального и иноконфессионального окружения. Этому способствовали и отсутствие (в течение долгого времени) лютеранских церквей и пасторов, усиление процессов ассимиляции посредством смешанных браков и др.

По данным опроса прихожан евангелическо-лютеранской общины св. Петра и Павла немецкой традиции в Москве, проведенного автором в 1994 г., до сих пор встречаются верующие, которые отмечают два Рождества и две Пасхи соответственно по лютеранскому и православному обычаю. Прихожане объясняют повторное празднование Рождества и Пасхи тем, что в эти дни их празднует вся страна и отмечают другие члены семьи или близкие родственники⁴⁷. Некоторые лютеране даже празднуют Масленицу и соблюдают свойственный православию строгий пост, отказываясь от потребления мяса, молока и яиц.

Масленица среди лютеранского населения волжских колоний прежде не отмечалась, празднование ее – результат дальнейших ассимиляционных процессов. Однако уже в 60-е годы XIX в. наиболее состоятельные колонисты в эти дни пили кофе с печеньем, хворостом⁴⁸. А.Н. Минх сообщал, что в Саратовском уезде (Ягодно-Полянская волость), после того как русские крестьяне навещали знакомых немцев на Новый год, колонисты в свою очередь приезжали в русские селения на Масленицу⁴⁹.

Пожилые немцы московской лютеранской общины отмечают, что у немцев не было 40-дневного поста, как у русских, но они постились в страстную неделю, ели только растительную пищу. На Пасху разговлялись. П.К. Галлер сообщал, что среди немецко-колонистов многие в сочельник не едят ничего до звезды или, правильнее, до темноты; другие едят только рыбное, но так как рыбы в степных речках мало, то этот обычай постепенно угас⁵⁰.

Во время бесед с автором данной статьи прихожане указывали на отличия лютеранских праздников от православных. Так отмечалось, что у православных самый главный праздник – Пасха, который проходит в церкви наиболее торжественно, тогда как у немцев важнейшим праздником церковного года является Рождество. Вопрос о том, какой праздник считать более значительным в церковном году – Пасху или Рождество, до сих пор не находит однозначного ответа среди российских немцев. Немецкий колонист П.К. Галлер, например, отмечал, что у немцев Поволжья самый торжественный праздник – Пасха⁵¹. Однако большинство пожилых прихожан до сих пор называют Рождество главным праздником года, «самым радостным, самым светлым, самым прекрасным» праздником. Праздник Рождества остался в их памяти как одно из ярких впечатлений детства⁵².

Внутриэтнические и межэтнические различия лютеран выражались в праздничных обычаях. У немцев России, эмигрировавших из разных областей Германии и сохранявших компактное проживание (выделяются немцы поволжские, немцы Северо-Западной России, немецкое население Причерноморья, Кавказа и др.), различаются мифологические персонажи, ритуальная пища. Например, в немецких лютеранских селах на Волге варьировались мифологические рождественские персонажи: Кристскинд, Пельцникель, Вайнахтсманн.

На Рождество в немецких семьях готовилось особое угощение – рождественские пряники. По старинному рецепту, предоставленному нам Альфредом Альфредовичем Зингером, для их приготовления требовались следующие ингредиенты: 800 г меда, 400 г сахара, 300 г топленого масла. Все это необходимо было растереть добела. Затем добавить 1,2 кг муки, 4 десертных ложки пищевой соды, разведенной в водке, 9 чайных ложек порошка корицы, 6 чайных ложек порошка гвоздики, 1,5 чайных ложек порошка имбиря. Муку сыпать постепенно. Образовавшуюся тестовую массу раскатать ровной скалкой и разделить на коржи толщиной примерно 2,0–3,0 мм. Из этих лепешек вырезают вручную по шаблону или специальным формам различные фигурки пряников. Печь пряники нужно в не очень горячей печи. Готовые пряники сначала будут твердыми, но через два-три дня станут мягкими. Такие пряники вешали на елку, а потом, когда елку разбирали, дарили детям. Бабушка и тетушки Альфреда Альфредовича Зингера называли эти пряники – «Weihnachtuchen» – рождественскими. Среди немцев встречались и такие названия рождественских пряников, как «Pfefferkuchen» – перечные. У швабов наряду с традиционным общенемецким угощением на Рождество (пряниками с пряностями) употреблялось и белое песочное печенье – Springerle.

Немецкая лютеранская традиция отмечать церковные праздники отличалась от обычаев лютеран других национальностей, проживающих в России, – финнов, латышей, эстонцев, шведов. Так, особое значение в финской лютеранской традиции в отличие от немецкой имеет празднование Иванова дня, сохранившееся до сих пор. В 1994 г. в финском приходе св. Марии в Санкт-Петербурге 24 июня отмечался праздник – день рождения Иоанна Крестителя. Молодежный праздник по случаю Иванова дня состоялся в Колтушинской церкви. В программе праздника помимо

библейских часов и богослужения на финском и русском языках значились концерт и праздничный костер в д. Орово.

В прежние времена в качестве пасхального угощения среди финнов Ленинградской обл. было распространено своеобразное блюдо «мямми» – род густой каши, приготовленной из солодовой муки, память о котором у ингерманландских финнов ныне утрачена⁵³.

У латышей принято отмечать так называемые кладбищенские праздники – дни поминовения усопших⁵⁴. «Кладбищенские праздники» у латышей, особо чтящих память умерших, обычно приходятся на летние месяцы: с июня по сентябрь. В этот период на кладбищах проходят богослужения. В отличие от церковных эти службы укорочены из-за опущения некоторых литургических моментов – таких, как исповедание грехов, произнесение обычных в литургии слов «Господь да будет с вами». За соответствующей дню проповедью пастора следует общая молитва присутствующих за тех, кто умер.

Известно, что в первой четверти XX в. в латышских лютеранских общинах Сибири оставалась живой традиция отмечать каждый год «кладбищенский праздник»⁵⁵.

Ныне в латышской лютеранской общине в Москве соблюдаются церковные обычаи и обряды, традиционные для Прибалтики. К ним относится и день поминовения усопших. Уже не один год он проходит осенью, когда собираются прихожане общины на могиле неизвестного латыша, похороненного на Введенском кладбище.

Для шведов-лютеран характерно особо отмечать день св. Люции. Он приходится на 13 декабря и назван так по имени молодой сицилийской девушки-христианки, умершей в 304 г. мученической смертью. Общая тема этого народного праздника, отмечаемого в лютеранских приходах, – ожидание «света» в самое темное время года. Особенно популярен праздник среди шведов, живущих на севере Европы⁵⁶. Шведская лютеранская община в Санкт-Петербурге, следуя традиции, отмечает этот праздник наряду с другими.

Своеобразие лютеранских праздников в различных национальных традициях вызвано как особенностями Реформации в тех странах, откуда приехали лютеране, так и духовной традицией, существующей в России, и событиями ее истории.

В финской традиции, к примеру, интенсивнее, чем в немецкой, празднуется День всех святых; почитание дней святых у финнов (как и у шведов-лютеран) в тех странах, где Реформация была по своему характеру «тихой», распространено сильнее, чем у немцев. Несмотря на то что в агенду немецкой лютеранской церкви включены праздники святых и Богородицы, на практике они не отмечаются. Возможно, это связано с самым ходом Реформации, которая вылилась в Германии в длительную и тяжелую борьбу и отличалась (по сравнению с другими странами) особо острой оппозицией протестантов по отношению к католической церкви.

С одной стороны, лютеранские традиции приносились эмигрантами из-за рубежа, с другой – имело значение и то, что лютеранские общины существовали в православной стране.

В России не было реформационных войн, а также такого сильного противостояния протестантов и католиков (ввиду их малочисленности), которое наблюдалось на Западе. Наряду с этим существовали крепкие патриархальные духовные традиции. По мнению немецкого пастора ЕЛЦ России, проживающего ныне в Германии, Франка Логихиуса, в лютеранских общинах России должно быть иное, чем у лютеран Германии, отношение к святым, которые особо почитались на Руси.

Политические события в нашей стране трагическим образом сказались на жизни лютеранского населения в России, поскольку народы, традиционно исповедующие лютеранство – немцы и финны, пострадали от репрессий. Один из особенных дней, отмечающихся в лютеранских немецких общинах в России сегодня, – день памяти жертв сталинских репрессий.

В лютеранских календарях 1994/1995 гг., претендующих на обобщение лютеранских праздников разных национальных традиций, мы можем найти: день всех

святых в церкви Ингрии, указ Сталина о гонении на немцев, день поминовения Балтийских мучеников. Наряду с этим многие из указанных в них праздников, к примеру дни евангелистов, день архангела Михаила и всех ангелов и др., в лютеранских общинах России не отмечаются, что связано как с утратой традиции, так и с разного рода трудностями в их проведении ввиду усиления либеральных настроений в ЕЛЦ на Западе, а также с их игнорированием пасторами, приезжающими из Германии.

Особый урон праздничной лютеранской традиции в России, безусловно, был нанесен в годы репрессий и депортаций. После закрытия церквей и приходов, начиная с конца 20-х годов XX в., традиционное празднование Рождества и Пасхи и других церковных праздников прекратилось. Этому способствовала антирелигиозная кампания, развернувшаяся в стране под лозунгом «Религия мешает строительству социализма»⁵⁷. Праздники труда противопоставлялись религиозным праздникам, которые, как пропагандировалось в прессе, «организуются господствующим классом сообразно их целям и задачам». В журнале «Безбожник у станка» отмечалось: «Христианские праздники исторически организованы европейской буржуазией, точнее – буржуазно-поповским органом – церковью»⁵⁸.

Как известно, после революции одно время была запрещена даже рождественская елка, так как этот обычай считался религиозным пережитком⁵⁹.

Регина Карловна Бишко-Блюменау – старейший член московской лютеранской общины, вспоминала, что праздновать Рождество было запрещено так же, как иметь дома елку. «В то время елки нигде не продавались, а привозились тайно из подмосковных лесов. Нам привозила елку молочница из Волоколамска. Она обрубала большие ветки у елки и прятала их в мешок. Затем уже мама привязывала эти ветки на палку. Елку ставили, наряжали игрушками. Но окна обязательно занавешивали одеялами, чтобы ее не было видно с улицы, иначе тебя ждала тяжелая жизнь в школе. Так случилось со мной»⁶⁰.

Тяжелое материальное положение лютеранских семей отражалось на скромных по сравнению с прежними временами встречах праздников. Родители вынуждены были закладывать и продавать фамильные драгоценности и другие вещи, чтобы купить детям подарки. Когда трудно было с продуктами для приготовления ритуальной пищи к праздникам, находили заменители. Так, в 1920–1930-е годы для приготовления творожной пасхи использовали кефир, из которого сами делали творог.

По воспоминаниям Вальтрауд Фоттелер-Бехтхольд из Еленендорфа (колония швабов в Закавказье), перед Рождеством 1937 г. «учитель в школе рассказывал: "Не существует никакого Бога и никакого младенца Христа. Эти сказки сочинили люди, потому что они всегда хотят во что-то верить". Затем учитель брал лист бумаги и переписывал имена всех детей и заставлял их его подписать. На листе стояло: "Мы не верим в Бога. Нам не нужны ни церкви, ни пасторы. Нам не нужна религия". Если ребенок отказывался подписываться, учитель грозил пригласить родителей. Они были провозглашены впоследствии контрреволюционерами. Глупое было время»⁶¹.

Понятно, что нечего было говорить о праздновании Рождества и Пасхи в 1940–1950-е годы, когда многие из сосланных немцев, финнов и лютеран из Прибалтики стали «добычей» сибирских морозов, живя под конвоем в промозглых, тесных и грязных землянках.

Церковные праздники отмечают сегодня в евангелическо-лютеранских общинах немцев, финнов, латышей, шведов в России. Деятельность пасторов и пожилых членов лютеранских общин, которые посещали лютеранские церкви в России (до их закрытия в 1930-х годах) способствует возрождению национальных обычаев.

Примечания

- ¹ Die Augsburgische Konfession. Аугсбургское вероисповедание. Эрланген, 1988. С. 54–55, 96–97.
- ² Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации об исправлении христианства // Лютер М. Избранные произв. СПб., 1994. С. 94.
- ³ Martin G. Das Kirchenjahr // Der Bote. 1992. № 2. С. 26.
- ⁴ Bieritz K.H. Das Kirchenjahr. Feste, Gedenk – und Feiertage in Geschichte und Gegenwart. Munchen, 1994. С. 73–74.
- ⁵ Die Augsburgische Konfession. С. 70–71.
- ⁶ Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 33.
- ⁷ Бобылев А. Церковь святых Петра и Павла в Москве // Unsere Kirche. Наша церковь. 1995. № 1–2. С. 52.
- ⁸ Храмы Петербурга. Справочник-путеводитель. СПб., 1992. С. 159.
- ⁹ Bieritz K.H. Op. cit. С. 177.
- ¹⁰ Потребительская и справочная книжка г. Москвы на 1909 г. М., 1908. С. 23.
- ¹¹ Die Augsburgische Konfession. С. 76–77.
- ¹² Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России. СПб., 1832. П. 9.
- ¹³ Краткий катехизис д-ра Мартина Лютера и христианское учение. Lachti, 1992. С. 285; Религиозные праздники в России // Сводный календарь-справочник на 1994 г. М., 1994. С. 31–33.
- ¹⁴ Bieritz K.H. Op. cit. С. 155–156.
- ¹⁵ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 346–347.
- ¹⁶ The Ingrian Finns. Helsinki, 1935. P. 3.
- ¹⁷ Gynz-Rekowski G.V. Der Festkreis des Jahres. Berlin, 1985. S. 198–199.
- ¹⁸ Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России. П. 10.
- ¹⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1114.
- ²⁰ Галлер П.К. Воспоминания. (Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX столетия). Саратов. 1927. С. 44.
- ²¹ Weber-Kellermann I. Das Weihnachtsfest. Eine Kultur – und Sozialgeschichte der Weihnachtszeit. Munchen; Luzern, 1987. S. 14.
- ²² Bieritz K.H. Op. cit. С. 177–178.
- ²³ Смирнова И. Рождество Христово // Наука и религия. 1990. № 12. С. 34–35.
- ²⁴ Галлер П.К. Указ. раб. С. 44.
- ²⁵ Deutsche Lieder Texte und Melodien Ausgewahlt und eingeleitet von Ernst Klusen insel taschenbuch. Frankfurt am Main, 1980. S. 813, 815.
- ²⁶ Смирнова И. Указ. раб. С. 35.
- ²⁷ Гинзбург Л. Потусторонние встречи // Новый мир. 1969. № 11. С. 128.
- ²⁸ В статье использованы воспоминания членов московской и петербургских евангелическо-лютеранских общин Эрики Фридриховны Шефер, Иоганна Иоганновича Хайнбюхнера, Вольфганга Францевича Коха, Альфреда Альфредовича Зингера, Эдит Эмильевны Мютель.
- ²⁹ Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 189.
- ³⁰ Brockhaus Enzyklopadie in zwanzig Bänden. Bd. 10. Wiesbaden, 1970. S. 288.
- ³¹ Филимонова Т.Д. Немцы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973. С. 142.; Цветков И. Рождество Христово у различных народов. СПб., 1886. С. 124.
- ³² Brockhaus Enzyklopadie in zwanzig Bänden. Bd. 4. Wiesbaden, 1968. S. 30.
- ³³ Ломтев Д. Песни российских немцев // Музыкальная Академия. 1992. № 3. С. 127.
- ³⁴ Bieritz K.H. Op. cit. С. 176.
- ³⁵ Gemeinde. Община. 1996. № 1–2. С. 8.
- ³⁶ Thomann I. Ostertraditionen der Russlanddeutschen // Neues Leben. 1995. № 13. С. 9.
- ³⁷ Томан И. Пасхальные традиции немецких крестьян в России // Unsere Kirche. Наша церковь. 1995. № 1–2. С. 35.
- ³⁸ Bieritz K.H. Op. cit. С. 95.
- ³⁹ Votteler-Bechthold W. Leb wohl? mein Helendorf! //Heimatbuch der Deutschen aus Russland 1990–1991. Stuttgart. o.j. S. 157.
- ⁴⁰ Seydlitz I. Unsere volkstümlichen Osterbrauche // Unsere Wirtschaft. 1924. № 8. С. 215–217.
- ⁴¹ Votteler-Bechthold W. Op. cit. С. 157.
- ⁴² Курило О.В. Воспоминания прихожан московской Петропавловской церкви о празднике Пасхи // Unsere Kirche. Наша церковь. 1995. № 1–2. С. 37.
- ⁴³ По материалам полевых исследований 1994 г. в Санкт-Петербурге. Беседа с членом евангелическо-лютеранской общины св. Марии финской традиции Айно Матвеевны.

- ⁴⁴ Галлер П.К. Указ. раб. С. 45.
- ⁴⁵ Там же. С. 52.
- ⁴⁶ Вормсбехер А. В сибирской глубинке. История и будни немецкого села Александровка. М., 1993. С. 212.
- ⁴⁷ Курило О.В. Прошлое и настоящее евангелическо-лютеранской общины немецкой традиции в Москве (этносоциологическая характеристика) // Этнограф. обозрение. 1995. № 6. С. 44.
- ⁴⁸ Галлер П.К. Указ. раб. С. 44.
- ⁴⁹ Миш А.Н. Саратовский уезд // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Изд. Саратовского статист. комитета. Т. 2. Саратов., 1882. С. 246.
- ⁵⁰ Галлер П.К. Указ. раб. С. 39.
- ⁵¹ Там же. С. 44.
- ⁵² Старосадский вестник. 1994. № 4. С. 5.
- ⁵³ Шлыгина Н.В. Финны // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. С. 128–129.
- ⁵⁴ Информацию о праздновании церковных праздников у латышей любезно предоставил пастор московской латышской общины св. Петра Юлиус Симакин.
- ⁵⁵ Meyer Th. Nach Sibirien in Dienste der evangelisch-lutherischen Kirche. Dresden; Leipzig, 1927. S. 153.
- ⁵⁶ Морозова М.Н. Скандинавские народы // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX – начало XX в. Зимние праздники. М., 1973. С. 104.
- ⁵⁷ Безбожник у станка. 1927. № 1–32. С. 16.
- ⁵⁸ Там же. 1927. № 6. С. 2.
- ⁵⁹ Смирнова И. Указ. раб. С. 35.
- ⁶⁰ Старосадский вестник. 1994. № 4. С. 5.
- ⁶¹ Votteler-Bechthold W. Op. cit. S. 158.

O.V. K u r i l o. Religious holidays of the Lutheran population of Russia (XIX–XX centuries)

Cultural traditions, beliefs and customs of the Lutherans in Russia are viewed. The general item of the article is the reflection of the Lutheran doctrine in the ceremonial life of Russian Lutherans. The author used both literature, that contents data on the XIX century, and her own field materials, that have been recently collected during her work in the Lutheran communities.